

ФИЛОСОФСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ И ФИЛОСОФИЯ ОБРАЗОВАНИЯ

УДК 165.12 + 165.41

Г.И. Петрова

СОКРАТ КАК ФИЛОСОФ «ПОДОЗРЕНИЯ К РАЗУМУ»: «ДО-ТРАНСЦЕНДЕНТАЛИСТСКАЯ АНТРОПОЛОГИЧЕСКАЯ АТАКА» НА ТРАНСЦЕНДЕНТАЛИЗМ КЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ

Предлагается гипотеза относительно философских позиций Сократа и Пиррона. Аргументируется, что философия Сократа амбивалентна и являет собой столь же доверия, сколь и недоверия или подозрения к разуму и его возможностям в познании истины. В этом отношении он не находится в оппозиции (как об этом традиционно говорит философия) к скептицизму Пиррона. Как Сократ, так и Пиррон оказываются прародителями современной философии «подозрения к разуму».

Ключевые слова: универсализм, трансцендентализм, антропологизм, скептицизм, лингвистическая парадигма.

Антропологическая атака на трансцендентализм как фундаментальную стратегию философии в явном виде обнаружила себя в философии XIX в. в связи с появлением альтернативных «классическому» переописаний субъекта. Альтернатива заявлялась как критика неполноты понимания субъекта лишь в гносеологическом плане как субъекта «чистого разума». Критика «уличила» трансценденталистское философствование в узкопознавательной ориентации. В самом деле, трансцендентализм деликатно предполагал конвертацию терминов «субъект» и «человек», полагая необходимость их локализации в русле либо гносеологии, либо антропологии. Последняя, однако, не являла собой трансценденталистского кредо, располагалась «вовне» философии, за её пределами и потому не могла говорить о себе как о философском знании. А между тем (почему это «забыл» классический разум?), философия, рождаясь из древнегреческого разума, с первых своих шагов заявляла о себе как о дискурсе, которому антропологичность была имманентной. Даже жёсткие трансценденталисты не могли не говорить о том, что «разум видит только то, что производит сам по своим же проектам, принципами своих суждений он предупреждает законы, что природа вынуждена отвечать на его вопросы, а сам вовсе не должен ходить за нею как бы на помочах» [1. С. 8]. В рамках антропологической проблематики в философии как оппозиция всегда присутствовало настроение не упрямого «сохранения собственной идентичности и отражения атак противника, а... вступления в брачный союз с теми, кто её более всего оспаривает» [2. С. 332]. Это настроение рождало сомнение в способностях разума к разысканию истины и высказало «подозрение» [2] к нему. Эта линия искала «нетрансценденталистские» возможности философии и явилась не только активным противостоянием референциальности трансцендентализма, но и закладывала основания антитрансцендентализма. Именно здесь начиналось переописание понятия «субъект» и

определялось стремление вывести философию за пределы традиционной проблематики (гносеологии), приблизить её к жизни (Ф. Ницше, С. Кьеркегор), к человеку реальному (К. Маркс). Можно сказать, что в философии XIX в. началась активная борьба за человека в философии.

Но оппозиция трансцендентализму существовала ещё и «до трансцендентализма» – уже в Древней Греции. Она возникала как оппозиция уже тогда начинающей складываться связке «субъект – истина», и позже именно она (связка) определила доминанту развития философской мысли. Основания оппозиции состояли в недоверии к устойчивости и абсолютности рождающегося разума с его универсалистским философским кредо. Последующая осознанная атака на трансцендентализм может быть рассмотрена как развитие единой критической мысли, получившей своё начало здесь – в древнегреческой философии. Интересно, что критика была характерна не только как существующая параллельно основателям умозрительно-разумной философии, несущей в философские размышления «умного» субъекта. Критическая раздвоенность могла существовать и у одного автора, высказывающего (сознательно или интуитивно?) амбивалентные, противоречащие друг другу суждения. Позволим себе высказать гипотезу относительно того, что одним из таких авторов можно считать уже Сократа, получившего в истории философии отнюдь не амбивалентное признание и всегда рассматриваемого в плане философского рационализма. Понятно, что именно рационализм своим логическим следствием позже определит в качестве своей основной и фундаментальной стратегии трансцендентализм. Сократ, считается, – это принцип философского знания, заложивший его (знания) критериальные характеристики.

Философия XX и XXI вв. заявила об очередной «переоценке ценностей» – пересмотре своих традиционных смыслов. Эта философская критика в поисках достоверности усомнилась в самой сути трансценденталистской философии. Возникли новые философские направления, и среди них те, что откровенно и аргументированно высказали свой скепсис по отношению к разуму. Именно с этих позиций – позиций современности – интересно посмотреть и на Сократа. Современное багажное знание даёт основание сделать гипотетическое предположение, что первый философ закладывал основы не только философской классики в её принципах универсализма, всеобщности, вневременности и абсолютности и провидел не только философский трансцендентализм. В его рассуждениях столько же гносеологизма и вневременного универсалистского субъекта (праобраза трансцендентального субъекта), сколько и антропологизма с его ориентацией на эмпирического и темпорального человека.

Как уже было замечено, понимание субъекта как «умного» и имеющего единый – рационально-познавательный – план отношения с миром имеет традицию в истории философии. Это значит, что смысловая связка «истина – субъект, к ней приобщающийся», начиная от Сократа, всегда имела место в философии в качестве определяющей и доминирующей. Но эта линия не была единственной.

Для иллюстрации предпосылок альтернативного (и сегодня достаточно репрезентативного) понимания субъектности выберем две смысловые точки,

определившиеся уже в философском пространстве Древней Греции, – философия Сократа и скептицизм Пиррона. Рассмотрение этих изменений может служить отправной точкой в розыске позиции, с которой трансцендентализм критикуется. Разыскание означает определение того «места», которое «философия недоверия» занимает в общем смысловом пространстве философии.

Итак, Сократ. Интуиция подсказывает, что историческое начало «философии недоверия» и её образцов философствования презентует Сократа как «философский персонаж», не субъекта и не агента, но как принцип и некий «органон» философии. Говоря о философии Сократа, имеем в виду не корпус его ненайденных текстов, но смысл его философии. Разумеется, имеем в виду сегодняшние позиции и ставим вопрос: «Как можно было бы увидеть Сократа, из XXI в., имея за плечами тот груз, который получила философия за всю её историю?»

Смысл философии Сократа можно было бы раскрыть как «всегда сомнение», сомнение и недоверие в «уже данном» и к «уже данному». Такое сомнение есть недоверие к факту, когда факт – это то, что определяет нас своим «только существованием», детерминирует наличием, не позволяя (или обманчиво соблазняя запретом) определиться самому перед лицом этого факта. То, что «уже дано», соблазняет лёгкостью согласия, смирения с неизбежностью. Уже данные, наличествующие «имена вещей» и согласие с ними, принятие их как имён действительных есть исключение свободы и «человечности». Они существуют «сами-по-себе», без человека, и потому их принятие основывается не в пространстве философии. Недоверие к именам вещей есть суть философии Сократа, сама его философия может быть именем недоверия к именам. Путь к истине есть неприятие её как некоей данности в имени. Именно то, что называется «майевтическим методом» – путь к истине через раскрытие имён вещей и проверки их на истинность, – строится на ответе по поводу вопроса: действительно ли имя совпадает с самим собой, т.е. нет ли двойственности знака и обозначаемого? Сомнение Сократа – это и есть саморазоблачение двойственности имени и именуемого. За именем обнаруживается (и разоблачается) не то, что предполагалось, не то, что навязчивостью факта представляло себя как смысл.

Не закладывал ли Сократ своим методом майевтики установку лингвистической парадигмы философии, установку на то, что слово определяется его фактическим употреблением, а его именование становится неактуальным? При возможном гипотетичном и положительном ответе вопрос получает продолжение: верно ли традиционное видение философского диалога Сократа как рационально рождающего истину? Сократовский путь к истине есть «динамическое приобщение к ней», её разыскание в майевтическом (рационально и иррационально (!), сознательно и интуитивно (!) рождающем истину) диалоге. И – парадокс: такое приобщение неожиданно становится принципиальным к ней «неприобщением». Смысловое смещение, перверсия заложены уже в исходных посылках и проистекают из невозможности остановиться на каком-либо имени истины и признании его последним именем – «именем истины». Используя язык Платона, дихотомирующего мир на «мир Истины» и «мир мнения» (впрочем, это не Платон, это раньше, Платон лишь сделал такую дихотомию метафизически обоснованной), можно говорить о

том, что диалог Сократа располагается в «мире мнений» и потому определяется невозможностью закончиться, стать. Он – всегда неокончательный, ибо его невозможно «окончить». Именно потому приобщение к истине динамично, и оно никогда истиной не заканчивается. Перверсия философии Сократа являет нам первого философа как, конечно, ищущего истину, но поиски его оказываются слишком своеобразными. Они представляют собой аналитический перебор, перебирание: «это – не истина, и это – тоже не истина». Остановки «вот истина» быть не может. Этого у Сократа и не происходит, это и не провозглашается целью. Сократ, оказывается, в такой же мере философ истины, в какой и не-истины.

Разумеется, если говорим об «истине», то имеем в виду «познание», если о «не-истине», то и о «не-познании». Такое отношение к истине превращает субъекта в «субъекта не-познания». Плодом рефлексии этого субъекта является лишь знание своего незнания. «Я знаю, что я ничего не знаю» [3. С. 74]. Субъект философии Сократа есть субъект «незнания». Однако недоверие к истине уже данного не делает Сократа скептиком и ниспровергателем. Более того, академическая традиция философствования называет именно Сократа «родовспомогателем» самой этой традиции. Дело в том, что недоверие к истинности данного построено у Сократа на полном и безоглядном доверии к разуму. Доверие к разуму – это основание «недоверчивости», и именно это унаследовано философской классикой. Философствование Сократа основывает себя на убеждении в способности разума различать ложь и истину. Правда, разум различает лишь ложь. Истина же – это её поиск, деятельность, процессуальность разума. Являются ли истина и разум тождеством? И является ли ложность мира залогом истины разума? Традиционная классическая философия стоит на убеждении, что истина дана способом суждения. В этом раскол на истину и суждение. Субъект классических парадигм философствования всегда субъект судящий.

Таким образом, с позиций современной философии связка «истина – субъект познающий», приписываемая Сократу, может быть подвергнута переописанию. Результат переописания оценивается как первая презентация генеалогии философии недоверия: недоверие к любому «данному» и раскрытие именованый. Дихотомическая оппозиция «мира истины» и «мира мнений» становится одним из образующих начал «философии недоверия».

Второе начало можно увидеть в философии скептицизма. В плане сегодняшней интерпретации Сократа его противостояние софистам и скептикам, на котором настаивает классическая философская традиция, вовсе таковым не является. Напротив, можно утверждать, что Сократ и скептики поддерживают и развивают идеи друг друга, ибо пирронический скептицизм тоже являет собой предпочтение одной из сторон оппозиции «мира истины» и «мира мнений» – мира «посюстороннего». Отрицание скептиками «сущего самого по себе» и утверждение о погружённости познающего в пространство «мира мнений» послужило основой для важного для парадигмы недоверия открытия. Скептики предложили оппозиционную по отношению к уже складывающейся связке «истина – субъект» связку «истина – человек». Указанную оппозицию можно трактовать в плане скептической интуиции, уже тогда провидевшей возможность ввести в философию человека вместо субъекта

(провидение философских идей экзистенциализма?). В этом смысле можно говорить об «экзистенциальном скептицизме» – термин, характеризующий «философию недоверия». Но в этом случае философия скептиков (как и философия Сократа) становится проектом, направленным на экспансию, осуществляющуюся уже древнегреческой философией вне собственных классических пределов.

Дело в том, что скептики вообще отказались от связи субъекта с истиной путём суждения о ней. Плод их философии – молчание об истине. Но в этом случае исчезали и истина, и субъект. Субъект Пирроновской философии – «субъект молчащий», принципиально воздерживающийся от выговаривания истины. Именно этот гносеологический скептицизм может быть рассмотрен в экзистенциальном аспекте.

Действительно, все десять тропов скептицизма традиционно оцениваются как способы опровержения возможности познания – возможности быть причастным к истине. Такой взгляд задаётся определённой парадигмой философствования – онтологией, предполагающей вне-положенность истины субъекту – положение, определяющее классический вариант философии. Это и есть то, что называют философским гносеологизмом. Он задан, таким образом, ещё платоновской философией. Вне-положенность истины затем описывается как её «объективность», её власть над постигающим её субъектом, её несомненность, принуждающая несомненность. Истина есть то, в чём нельзя сомневаться. Такая невозможность сомнения не является запретом, т.е. не является конвенциональной. Недопущение конвенциональности истины создаёт классическое понимание познания. Знание, считается, невозможно рассматривать как результат убеждения – оно общезначимо. Проблема и вопрос относительно методологии познания становятся неактуальными, ибо познание есть лишь проблема открытости истине. В открытости при абсолютной власти истины редуцируется субъект: «схлопывается» в момент открытия истины.

Так возникает один из парадоксов классической философии: редукция субъекта была бы лишь «дефектом теории» и частной проблемой гносеологии, если бы и онтология, её порождающая, была онтологией «частной», которой не придавался бы характер всеобщности. Иными словами, если бы философские концепты сохранялись в статусе замкнутой в себе «игры понятий», если бы не требовалось и не предполагалось соотнесение философской истины и человека. Но обыденное смешение субъекта и человека ставит вопрос о возможности и специфике отношения «истина – человек». Так, вызванный предикатом «общезначимости» и «абсолютности» истины, возникает вопрос – каким образом соотносятся вечная истина и конечный человек? На языке платоновской дихотомической философии он звучит следующим образом: возможно ли преодоление разрыва между «миром истинны» и «миром мнений»? Как же возможно познание в этой философии?

Скептический проект Античности и есть опровержение перехода из «мира мнений» в «мир истины». Идеологема скептиков – сомнение в данности «мира истины» «миру мнений». Проект разворачивается внутри философии как «пространства суждений» и заключается в суждении не об истине, а об обстоятельствах, демонстрирующих невозможность суждения о ней. спосо-

бы суждения скептиков (тропы) есть не что иное, как десять способов утверждения контекстуальности любого судящего. Его погружённость в мир («мир мнений») означает его «замутнённость», обусловленность ситуациями, в которых он здесь себя обнаруживает. Классическое же понимание требует прозрачности и необусловленности познающего. Субъект в этой традиции – субъект вообще, трансцендентальный (как потом скажет Кант) субъект. Субъект же скептиков может быть обязательно там или тут, но не может быть нигде, он может быть тот или иной, но не может быть никакой. Как же он сам, находясь в смешении многого и будучи одним из этого многого, может судить о едином?

Скептики, таким образом, совсем в духе пришедшей много веков спустя «философии недоверия», отрицают «сущее само-по-себе» – сам термин «само-по-себе». Отрицание производится способом динамической деструкции догмы. Скептики – ироники, посмеявшиеся над разумом, направив против него его же собственное орудие. Таков гносеологический аспект скептицизма – проект, в котором через обоснованное сомнение в истине – в возможности познать истину – осуществляется разрушение субъекта в отношении «истина – субъект, её познающий». Способ разрушения – утверждение контекстуальности субъекта. Помещение субъекта в контекст (культурный, вербальный, коммуникативный) означало его несовместимость с истиной, поскольку познающему в качестве метода познания предлагалась, во-первых, деструкция истины, данной в рациональном суждении, и, во-вторых (что следовало из первого), воздержание от суждения о ней.

Конкретная роль скептического проекта в провидении «философии недоверия» состояла в разрушении не частного философского вопроса. И хотя скептицизм не решил проблему разрыва между «миром истины» и «миром мнений», однако через неизбежность локализации философии в «мире мнений» утверждалась принципиальная непреодолимость этого разрыва, провозглашалась правда лишь одной стороны дихотомии – «мира мнений». Скептицизм явил себя философией, локализованной в «мире мнений», на него же направленной и предложившей метод достижения «нефилософских» (с точки зрения классики) целей.

Так скептицизм обозначился как «скептицизм экзистенциальный». Его цель оказалась альтернативной общей интенции греческого философствования и состояла не в причастности к истине, но в счастье человека. Счастье было противопоставлено истине, которая, утверждают скептики, могла считаться таковой, лишь если она приносила счастье. Это был действительно экзистенциальный проект.

Но ведь и у Сократа истина отождествлялась если не со счастьем, то с благом. Обоснование тождества истины и блага содержало в себе вопрос о ценности познания вообще и объясняло необходимость сопряжения гносеологической ориентации философии с ориентацией экзистенциальной. Насыщенность философии антропологической проблематикой имеет значение в плане выяснения предпосылок «философии недоверия». Ибо счастье человека как цель философствования есть воздержание от истинности суждения: оно истинно, если истина есть благо или счастье. Воздержание от истины несло освобождение, ибо «скептическое счастье» полагалось в невозмутимо-

сти. А истина возмущает? Ответ предполагал недоверие к истине и, следовательно, освобождение от неё.

Это была деструкция истины, проблематизация оснований и достигнутых философией результатов. Деструкция несла свободу от претензий рационального суждения: свободу не судить, что есть добро, а что зло, свободу несуждения. Субъект философствования скептиков освобождается от своей «субъектности» во имя «человечности».

Следует сказать, что в философии скептиков проявляются с разной степенью открытости основные смыслы всей последующей «философии недоверия». Это не значит, что «философия недоверия» унаследовала и развила их. Скорее, скептический проект пирроников – одна из презентаций этого концепта в пространстве философии. После того как явила себя общая герменевтическая установка, ставшая достаточно обыденной после признания работ «философов подозрения» – К. Маркса, Ф. Ницше, З. Фрейда, самосвидетельство философии уже утрачено, требуются толкование и интерпретация.

Итак, скептицизм можно оценить как «скептицизм экзистенциальный». Это значит, что классический вопрос о познании истины – «как возможна истина?» – здесь не ставится, поскольку истина – уже возможна и уже дана в суждении о том, «как следует существовать человеку ввиду истины?». Способ такого существования – воздерживаться от истины ради достижения счастья. Счастье же «ввиду истины» невозможно. Философия скептиков экзистенциальна, поскольку укреплена в «мире мнений» (в мире не сущности, но существования) и обращена к человеку («существование» есть существование человеческое). Укрепленность её в «мире мнений» выражается в принципиальном утверждении контекстуальности, существования «здесь и сейчас» и погружения в «здесь и сейчас». В таком погружении, т.е. в избегании «мира истины», и состоит счастье человека.

Конечно, философия Сократа и содержание скептического проекта в статье представлены в контексте багажного знания современной философии. Именно этот контекст позволил увидеть истину либо через только приближение к ней (но не открытия её как абсолютной) способом сужения (Сократ), либо через молчание как отсутствие всякого о ней суждения (скептики). В этом уже тогда обнаружила себя перверсия базовой традиционной парадигмы философии. Перверсия и заложила основы «философии недоверия», или «подозрения к разуму», которые сегодня оказались востребованными новыми философскими направлениями.

Литература

1. *Кант И.* Критика чистого разума. СПб., 1902.
2. *Рикёр П.* Конфликт интерпретаций: Очерки о герменевтике. М.: Академический проект, 2008.
3. *Платон.* Собрание сочинений: В 4 т. М.: Мысль, 1990. Т. 4.